

Война тройственного альянса как феномен формирования идентичности парагвайского народа

А. А. Болтаевский
(Россия)

Resumen

La ubicación geográfica de Paraguay llevó a su aislamiento y el tradicionalismo, que se refleja como en la era de los dictadores a mediados del siglo XIX y en la era de los regimenes militares cien años después. Nación paraguaya se formó en el curso de dos conflictos mortales: guerras alianza tripartite y la campana del Chaco.

Помимо традиционно находящихся в центре внимания трех латиноамериканских гигантов – Аргентины, Бразилии и Мексики – повышенный интерес неуклонно вызывает «сердце Америки», Парагвай. Сама история этой сравнительно небольшой страны служит предметом серьезных философских и политологических исследований. К примеру, в течение XVII – XVIII вв. на территории будущего Парагвая существовало своеобразное государство иезуитов, о котором насмешливо выразился на страницах «Кандида» сам Вольтер: «Удивительное у них государство! Оно более трехсот миль в диаметре; разделено на тридцать провинций. Los padres владеют там всем, а народ ничем; не государство, а образец разума и справедливости. Что касается меня, то я в восторге от los padres: они здесь ведут войну против испанского и португальского королей, а в Европе их же исповедуют; здесь убивают испанцев, а в Мадриде им же даруют место в раю. Как тут не восхищаться!» (Вольтер, 2009, с. 67). Разумеется, такой нелюбезный взгляд Вольтера объясняется его устойчивым антиклерикализмом. Между тем, целый ряд исследователей признают значительную роль иезуитов, как в обучении местных индейцев-гуарани, так и в развитии той системы хозяйствования, которую В.В. Святловский охарактеризовал следующими словами: «Коммунистическое государство в Южной Америке – это не мечта и не ирония, не парадокс прошлого, а нечто реальное, действительное, осуществленное, продержавшееся в Южной Америке более полутора столетия» (Святловский, 1924, с. 7) (впрочем, за исключением В.В. Святловского, марксистская позиция по отношению к деятельности иезуитов в Парагвае была отрицательной). А.С. Ионин писал, что после изгнания иезуитов в 1786 г. «испанские чиновники и купцы нашли в самом деле страну богатую, магазины, благодаря коммунизму, были полны хлеба и всяких запасов, в церквях – богатые украшения, отличный скот, обработанные поля, и все это тотчас же ограбили» (Ионин, 1896, с. 447). После завоевания независимости Парагвай оказался вовлечен в новый социально-экономический эксперимент, теперь уже под эгидой доктора Х. Франсиа, став на короткий одной из наиболее развитых стран континента. Политика изоляционизма, провидимая Эл Супремо (именно так предпочитал именоваться Франсиа), была обусловлена не только противоборством с Аргентиной, но и имела корни в иезуитском государстве.

Фигуры Франсиа и его последователей, представителей династии Лопесов, стали в дальнейшем предметом серьезных споров российских и зарубежных историков и публицистов. Именно в это время происходит формирование

национальной идентичности парагвайского народа, которому суждено было пройти тяжелые испытания.

Первым из советских историков, который обратился к истории Парагвая середины XIX в., и особенно к личности Х. Франсиа, был В.М. Мирошевский, который отмечал, что его правление «ознаменовалось проведением целого ряда прогрессивных мероприятий, рассчитанных на улучшение жизненных условий народных масс», а политическая и экономическая самоизоляция страны проводилась в интересах сохранения независимости (Мирошевский, 1946, с. 80). Давая характеристику Франсиа, Мирошевский писал, что «это был человек железной воли и огромной целеустремленности. Он был беспощаден к врагам своей родины, внушал ужас реакционерам и пользовался огромным авторитетом среди широких масс индейцев и метисов» (Ростовский, 1940, С 388). Как представляется, на данной оценке Франсиа сказалась сама атмосфера сталинской эпохи с ее установками на жесткую личность и жестокость по отношению к внутренним и внешним врагам.

Среди других советских исследователей Парагвая в рассматриваемый период выделим так же имена М.С. Альперовича и Н.Р. Матвеевой. Несмотря на то, что монография известного отечественного латиноамериканиста посвящена, в первую очередь, освободительному движению в период испаноамериканской революции и формированию латиноамериканских наций, и Парагвайской войне там уделяется только несколько страниц, она представляет известную ценность в том, что рассматривает причины изоляционизма Парагвая, которые послужили причиной развязывания конфликта между ним и соседними странами (Альперович, 1975). Кандидатская диссертация Н.Р. Матвеевой защищена в сталинскую эпоху и, наряду с известными достоинствами, не лишена вынужденных пропагандистских штампов и стереотипов своего времени (Матвеева 1951).

В конце 1990-х гг. ряд материалов о Парагвайской войне опубликовал журнал «Красный офицер». Если статья Х.У. Вильсона «Война Бразилии, Аргентины и Уругвая с Парагваем» представляла собой перепечатку из известного труда британского историка флота «Броненосцы в бою» (Вильсон, 1998), то гораздо больший интерес представляет собой перевод обзорной статьи американского исследователя У. Девиса, рисующей образ Парагвая в середине XIX в. (Девис, 1998).

Зарубежная историография Парагвайской войны достаточно обширна. Парагвайский историк А. Рамос, опираясь на неопубликованные документы из Главного Национального архива Аргентины и Национального архива Асунсьона, показывает характер бразильско-парагвайских отношений в период диктатуры Франсиа, указывая, что Эль Супремо поддерживал отношения с Бразилией, так как это фактически обеспечивало признание независимости Парагвая. Английский историк П.Х. Бокс посвятил Парагвайской войне монографическое исследование, выполненное на базе докторской диссертации (Box P.H., 1958). Представляет интерес и коллективный труд чилийских авторов (Cordova I., 2012). Оговоримся, что в разных источниках ее название может меняться: это, помимо уже принятого нами в качестве основного, и война Тройственного альянса (Н.Р. Матвеева приводит это название, как война Тройственного союза, однако, на наш взгляд, более удобен именно дословный перевод с испанского, который, к тому же, отличается от более известного отечественному и европейскому читателю

Тройственного союза Первой мировой войны), и даже Великая война (Gran guerra). Несмотря на то что парагвайские архивы сильно пострадали в ходе войны, существуют официальные документы, касающиеся кампании 1864-1870 гг. (Documentos, 2013).

Европейская интеллигенция, в целом, относилась к режиму Франсиа прохладно. Французский путешественник и географ А. д'Орбиньи писал:

«В Парагвай! Не без тайного страха вступил я в эту таинственную землю, которая с давних времен служит предметом стольких гипотез; в эту землю, столь новую еще для любопытства Европы, и в которой не последний предмет любопытства составляет, без сомнения, характер удивительного человека, который ею управляет; этого наполеона с короткой ногою, которого жизнь есть как бы пародия жизни страшного властителя новой Европы»

(Д'Орбиньи, 1839, с. 239).

Английский писатель С.С. Форестер на страницах романа «Все по местам!» рассказывает о встрече своего героя, капитана Горацио Хорнблауэра, с правителем одной из латиноамериканских стран по имени Эль Супремо (Форестер, 2014). А.И. Герцен, оценивая в 1850 г. ситуацию в находившемся в преддверии бонапартистского переворота Париже, писал: «Нет ничего проще, как установить в настоящее время какой-нибудь парагвайский деспотизм без доктора Франсиа...» (Герцен, 1961, с. 316). Боливийский исследователь Л. Бальдивieso полагал, что «ни одна страна в мире не сопоставима с Парагваем, находившегося в течение трех столетий в плену деспотизма и тирании» (Baldivieso, 1935, p. III).

Справедливости ради отметим, что противопоставление Франсиа другим латиноамериканским лидерам было бы неверным. Симон Боливар категорично утверждал, что «южноамериканские страны меньше всех других стран в мире пригодны для введения республиканского строя. Разве большинство их населения не состоит из индейцев и негров?! Страны, управляемые индейцами и неграми, были бы обречены на гибель» (Мирошевский, 1946, с. 68). Были, однако, и позитивные отзывы об Эль Супремо. Сравнивая его с Наполеоном Бонапартом, французский историк Ф. Деберль отдавал предпочтение парагвайскому диктатору: «можно, по крайней мере, сказать, что у него не было Ватерлоо и что он не подготовил Седана; Наполеон был шагом назад для прекрасной Франции 89 года, Франсиа же был большим шагом вперед для бедного Парагвая 1811 года» (Деберль, 1899, с. 327).

Рассмотрим саму Парагвайскую войну. Заинтересованные в открытии Парагвая для иностранного капитала, европейские державы предприняли активную поддержку планам ликвидации его суверенитета. При посредничестве английского посланника между Аргентиной, Бразилией и Уругваем был заключен Тройственный альянс, официально поставивший своей задачей борьбу с тиранией преемника Франсио Ф.С. Лопеса, но в действительности стремившимися к закабалению этой страны. Ф.С. Лопес расценил бразильскую интервенцию осенью 1864 г. в Уругвай, как попрание национальных интересов малых стран со стороны своих более могущественных соседей. Рассматривая Парагвай в качестве третьей силы между Аргентиной и Бразилией, Лопес принял решение прийти на помощь Уругваю. Американские исследователи в своем коллективном труде

«Парагвай: исследование страны» указывают, что именно здесь проявилась главная ошибка Лопеса, полагавшего, что сохранение независимости Уругвая будет иметь решающее значение для самого Парагвая (Dannin and Meditz, 1990, p. 27). Мы не склонны полностью соглашаться с данным тезисом, так как агрессивная политика Аргентины и Бразилии прямо толкала их на усиление контроля над «буферными странами». Вместе с тем, тяжелые итоги Парагвайской войны являются основанием усматривать ошибочность внешнеполитической стратегии Лопеса, не предполагавшего в тот момент возможности образования Буэнос-Айресом и Рио-де-Жанейро единого военного блока.

Парагвай не был готов противостоять двум крупнейшим державам Латинской Америки сразу по нескольким причинам. Во-первых, налицо была разница в демографических ресурсах. Даже осуществив тотальную мобилизацию всех мужчин в возрасте от 10 лет и используя женщин на самых тяжелых работах, Лопес не мог выставить армию большую, чем его объединённые противники. Во-вторых, вооруженные силы Парагвая со времен Франсиа отличались слабым офицерским составом, так как диктатор справедливо боялся возможной политической конкуренции в лице военных чинов. В-третьих, у Парагвая отсутствовала необходимая промышленная база, чтобы возместить потерянное на полях сражений или вышедшее из строя вооружение. В свою очередь, не только Аргентина и Бразилия, но и Англия и США всячески препятствовали иностранным поставкам оружия в Парагвай. Несмотря на первоначальные успехи, режим Лопеса был обречен на поражение.

В конечном итоге, попытка Лопеса утвердить Парагвай в качестве региональной державы, обладающей не меньшим весом, чем Аргентина и Бразилия, имела катастрофические последствия, как для него самого, так и для всей страны. Историк К. Сантос констатировал: «После разрушительной пятилетней войны против Тройственного альянса, в ходе которой погибли большинство пригодных к работе мужчин, а большая часть оставшегося населения состояла из женщин, детей и стариков, в стране не оказалось ни людей, ни капиталов, необходимых для эксплуатации удивительно плодородной почвы и богатых сырьевых ресурсов» (Baldivieso, 1935, p. 59)

Гибель мужского населения в ходе Парагвайской войны (до 90 %) сказывалась на стране вплоть до середины XX в., вызвав своеобразную форму многоженства, с которой вынуждены были мириться не только католическая церковь, но и сами женщины. Ч. Уошберн писал в 1871 г.: «Будущее Парагвая будет полностью зависеть от величины и характера иммигрантов, которые придут населить его опустошенные места [...] Парагвайский народ перестал существовать в количестве, достаточном для решения судьбы страны» (Washburn, 1871, p. 605-606). А.С. Ионин в конце XIX в. сравнивал страну с «женским царством», так описывая свой визит в Асунсьон: «Как только сходишь с парохода, толпы женщин окружают вас; часто с хохотом и бесцеремонно оглядывая вас как диковинку... существуют собственно одни женщины, а прежний народ погиб окончательно» (Ионин, 1896, с. 352, 470). Уже в 1930-е гг. М.Д. Каратаев вспоминал, как будучи в гостях у одного из парагвайских крестьян обратил внимание на его красавицу-дочь. Польщенный отец воскликнул: «Так берите ее себе! Она добрая девушка и будет вам верной подругой». На робкие возражения гостя о том, что он женат, крестьянин ответил: «Ну что ж тут такого? Я тоже женат, а у меня есть и вторая семья. Можете поселить Аниту в Велене, у моих

родственников, будете туда к ней ездить, когда захотите. Жалко девочку, ведь ей все равно иной доли нет, а вы человек хороший» (Каратаев, 1972, с. 151).

Современники рассматривали Парагвай после разрушительной войны, как обреченное государство. Итогом раздумий Ионина был следующий печальный вывод:

«Лучше было бы Парагваю совсем исчезнуть. Если бы он слился с Бразилией или с Аргентиной, в его прелестные апельсиновые сады и леса пришло бы, вероятно, другое население и устранило бы эту необыкновенную аномалию существования женского царства. Но нет, американская политика, соперничество между Аргентиной и Бразилией, требуют существования такой аномалии. Это своего рода здешний женский Афганистан, буфер; и вот эта страна обречена на грустную свободу, вероятно, впрочем, ненадолго»

(Ионин, 1896, с. 470).

Мирный договор 1872 г. предусматривал свободу плавания для кораблей всех государств по рекам Парана, Парагвай и Уругвай. Помимо территориальных потерь, Парагвай должен был выплатить военную контрибуцию Бразилии (200 млн. песо), Аргентине (35 млн. песо) и Уругваю (1 млн. песо), выплата которых была прекращена только в годы Второй мировой войны. Главным же было то, что страна попала под контроль соседних держав, а имя Лопеса было предано проклятию и подлежало забвению.

Впрочем, миграция и уже упомянутое нами многомужество не только позволили Парагваю выжить, но и одержать в 1930-е гг. победу над более мощной Боливией в войне Чако. Более того, именно в ходе Великой войны парагвайский народ получил оформил свою национальную идею, объединившись перед лицом превосходящих противников. По сути, в рамках Парагвайской войны Бразилия и Аргентина применяли методы тотального террора против местного населения, применявшего, в свою очередь, методы партизанской войны. Решительность сопротивления парагвайцев свидетельствует о том, что помимо поддержки режима Лопеса они сознательно боролись за свободу своей страны.

Тогда же парагвайские общественно-политические силы вновь возродили позитивный образ Ф.С. Лопеса под знаменем «лопизма» (РГАСПИ, л. 142); таким образом оказались пророческими следующие слова диктатора: «Но придет день, и я поднимусь из бездны клеветы, справедливо оцененный потомством, дабы занять подобающее место в истории» (Gosalvez, 1970, p. 1).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. BALDIVIESO, L.S., 1935: *El Paraguay provincial Argentina*. La Paz: Artislica.
2. BOX, P.H., 1958: *Los origenes de la Guerra de la Triple Alianza*. Buenos Aires – Asuncion: Ediciones Nizza.
3. CORDOVA I. y MEDINA, F., 2012: *Amor Libre. Consecuencia de la post-guerra de la triple alianza*. Disponible en internet <https://ru.scribd.com/doc/23713795/Amor-libre-en-Paraguay-post-Guerra-de-la-Triple-Alianza>

4. DANNIN, M.H. and MEDITZ, S.W., 1990: *Paraguay: A Country Study*. Washington: GPO for the Library of Congress. Disponible en internet https://www.loc.gov/resource/frdcstdy.paraguaycountry00hanr_0/?st=gallery
5. DOCUMENTOS, 2013: Documentos oficiales de la mediación pacífica de la República del Paraguay en la disidencia armada entre los gobiernos de la Confederación Argentina y Buenos Aires. Asunción: Min. de relaciones exteriores.
6. GOSALVES, R., 1970: *Francisco Solano Lopez: Pasion y Muerte de un Heroe*. La Paz.
7. RAMOS, A., 1944: *La politica del Brasil en el Paraguay*. Buenos Aires: Editorial Ayacucho.
8. WASHBURN, C.A., 1871: *History of Paraguay*. V. II. Boston: Lee and Shepard.
9. АЛЬПЕРОВИЧ, М.С., 1975: *Революция и диктатура в Парагвае. 1810 – 1840*. М., Наука.
10. ВИЛЬСОН, У.Х., 2003: *Броненосцы в бою*. М., ЭКСМО.
11. ВИЛЬСОН, У.Х., 1998: «Война Бразилии, Аргентины и Уругвая с Парагваем». *Красный офицер*, nº 3, с.11-12.
12. ВОЛЬТЕР, 2009: *Кандид, или оптимизм*. СПб., Вита Нова.
13. ГЕРЦЕН А.И., 1961: *Г. Гервегу*. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 23. М., АН СССР, с. 315-317.
14. ДЕБЕРЛЬ Ф., 1899: *История Южной Америки*. СПб.: Типография А. Пороховщикова.
15. ДЕВИС У., 1998: «Война Тройственного альянса с Парагваем». *Красный офицер*, nº 3, с. 12-16.
16. Д'ОРБИНИИ А., 1839: *Живописное путешествие в Южную и Северную Америку*. Т. 1. СПб., Типография А. Плюшара.
17. ИОНИН, А.С., 1896: *По Южной Америке*. Т. 2. СПб., «Общественная польза».
18. КАРАТАЕВ, М.Д., 1972: *По следам конкистадоров. История группы русских колонистов в тропических лесах Парагвая*. Буэнос-Айрес, Talleres Graficos Dogrego.
19. МАТВЕЕВА, Н.Р., 1951: *Парагвай, Парагвайская война 1864-1870 годов и политика иностранных держав на Ла-Плате*. Автореферат дисс. к.и.н., Калининский государственный педагогический институт.
20. МИРОШЕВСКИЙ, В.М. «Хосе-Гаспар Франсиа – вождь парагвайской революционной демократии», *Вопросы истории*, 1946. nº 4, с. 68-81.
21. РОСТОВСКИЙ, С.Н. и др. (ред.), 1940: *Новая история колониальных и зависимых стран*. Т. 1. М., Соцэкгиз.
22. РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ, ф. 495, оп. 117, д. 9.
23. СВЯТЛОВСКИЙ, В.В., 1924: *Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII – XVIII столетиях*. Пг., «Путь к знанию».
24. ФОРЕСТЕР, С.С., 2014: *Все по местам!* М.: Вече.